TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 139 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ VI

ТАРТУ 1963

ЗАБЫТАЯ СТАТЬЯ О Т. Г. ШЕВЧЕНКО

П. С. Рейфман

Вскоре после смерти Шевченко, в 33 выпуске журнала «Домашняя беседа» (от 19-го августа 1861 г.), известный мракобес В. И. Аскоченский поместил свои клеветнические воспоминания о поэте, стремясь очернить его память, а заодно лягнуть петербургских «прогрессистов и цивилизаторов», с которыми сблизился Шевченко в последние годы своей жизни.[1] Воспоминания Аскоченского широко известны. К ним неоднократно обращались исследователи творчества украинского поэта-демократа. Но в литературе последнего времени о Шевченко нам не приходилось встречать упоминаний о том сокрушительном отпоре, который получил пасквилянт сразу же после опубликования своих мемуаров. В 268 № «Русского инвалида» (от 2-го декабря 1861 г.) была напечатана большая статья «Нечто вроде комментарий к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченке», подписанная «Н -в». Эта статья упоминается в библиографическом указателе М. Комарова («Т. Г. Шевченко в литературе и искусстве», Одесса, 1903, стр. 61; Комаров лишь неточно приводит подпись «Н -ев») и, независимо от того, кто ее автор, имеет важное значение для изучения биографии поэта и той борьбы, которая развернулась в конце 50-х — начале 60-х годов вокруг его имени. Статья может быть отнесена к числу наиболее значительных и прогрессивных высказываний о Шевченко в русской периодике того времени. Но, к сожалению, статья забыта и в литературе о Шевченко не используется. Возможно, в какой-то степени, сыграло свою роль и то обстоятельство, что отповедь Аскоченскому была напечатана в «Русском инвалиде», газете, выходившей при военном министерстве, как принято считать, далеко не прогрессивной и поэтому мало исследованной. А между тем появление памфлета об Аскоченском именно в «Русском инвалиде» было далеко не случайным. С сентября 1861 г. издание этой газеты переходит на короткое время в руки Н. Г. Писаревского, человека весьма прогрессивных взглядов. Достаточно сказать, что петербургский обер-полицмейстер в одном из донесений генерал-губернатору напоминал, что Писаревский «давно уже обратил на себя внимание своею крайнею неблагонамеренностью», а его статьи хорошо известны по «неуважению к существующему порядку».[2] Взяв в свои руки «Русский инвалид», Писаревский в первом же № поспешил заявить, что с военным министерством его ничего не связывает, кроме коммерческих отношений и известий, помещаемых в официальном отделе.[3]

---

[1] Пасквиль Аскоченского входил составной частью в систему ожесточенных нападок на поэта, которые регулярно печатала в 1861 году «Домашняя беседа». См. «Журнальные заметки», вып. 12, 22, «Запрос землякам Т. Г. Шевченко», вып. 16, «Блестки и изгарь», вып. 50 и др.

[2] А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. 16, Пг., 1920, стр. 397.

[3] «Рус. инвалид», 1 сентября 1861 г.

В 1862—1863 гг., вместо неофициального отдела «Русского инвалида», Писаревский издавал газету «Современное слово». Правительство запретило эту газету за «неблагонамеренное» направление, а современники рассматривали ее в ряду демократических изданий 60-х годов. Между прочим, в одной из статей «Современного слова» рассматривался проект памятника тысячелетия России. Автор статьи упрекал архитектора за то, что тот не поместил барельефы Шевченко, Кольцова, Белинского, Грановского в ряду тех великих людей России, которые должны быть изображены на памятнике.[4] Вряд ли редакция не знала, что барельеф Шевченко снят по приказу царя.

Таким образом, опубликование отповеди Аскоченскому в связи с его воспоминаниями о Шевченко являлось для Писаревского вполне закономерным.

Автор статьи с огромной любовью и уважением рисует облик украинского поэта, талантливого, доброго, человечного. Он решительно разбивает легенду о былой близости и дружбе между Шевченко и Аскоченским, которую пытался создать редактор «Домашней беседы». Н-в клеймит Аскоченского как предателя, шпиона, ренегата. Тема предательства и шпионства лейтмотивом проходит через всю статью. Весьма любопытны и намеки, которые делает Н-в, на ту неблаговидную роль, которую мог играть Аскоченский в деле Шевченко. Возможно, они употреблены не только в целях полемики. Известно, что Аскоченский в 40-ые годы был близок киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову и советовался даже с ним о делах весьма интимных.

Вполне вероятно, что после ареста Шевченко Аскоченский сообщил Бибикову свои впечатления о поэте; в том числе речь, возможно, шла и о «поганых виршах», о которых вспоминал много лет спустя Аскоченский. Такое предположение тем более вероятно, что Аскоченский лично знал Шевченко, принимал его у себя, это было известно, следовало как-то объяснить Бибикову такое знакомство и посещения. О деле Шевченко говорили в то время в Киеве везде. Вряд ли Аскоченкий не говорил о нем в доме Бибикова. Во всяком случае, Н-в недвусмысленно намекал, что такого рода подозрения были широко распространены в киевском обществе после ареста Шевченко.

Едкий памфлет Н-ва привел в бешенство редактора «Домашней беседы». в 50-м выпуске журнала Аскоченского утверждалось, что вряд ли в литературе может быть что-либо «возмутительнее и безобразнее этого памфлета».[5] Здесь же сообщалось о том, что Аскоченский намеревался жаловаться на Писаревского и Н-ва. Любопытно, что Аскоченский расписался в получении пощечины: в «Домашней беседе» как бы подводились итоги тому, на что в памфлете лишь намекалось; в ней прямо говорилось, что Н-в изображает Аскоченского «лгуном», «халуем», «предателем, шпионом и просто-напросто подлецом», что «пасквилянт» утверждает, что и брат Аскоченского «такой же шпион, что Аскоченский способствовал *известному*, самим Шевченком описанному в «Дневнике», несчастию».[6] Надо признать, что сущность памфлета изложена в «Домашней беседе» довольно правильно.

Кто же мог быть автором статьи, помещенной в «Русском инвалиде»? Есть основания приписать ее Н. С. Лескову. Лесков неоднократно писал о Шевченко, всегда выражая глубокое уважение и любовь к личности украинского поэта, высоко ценил его творчество, давал отпор любым попыткам опорочить его память. Не вызывает сомнений и отрицательное отношение Лескова к Аскоченскому. Так же относится к Шевченко и Аскоченскому Н-в. Но, кроме общего направления статьи Н-ва, напоминающего высказывания Лескова о Шевченко и Аскоченском, в пользу авторства Лескова свидетельствует и ряд деталей. Н-в, как видно из статьи, хорошо знал Шевченко в последние годы жизни поэта, ему были в деталях известны обстоятельства ареста Шевченко, он знал о киевских знакомых Шевченко, в частности о ху-

---

[4] «Современное слово», 1862, 6, от 7 июня.

[5] «Домашняя беседа», 1861, вып. 50, 16 декабря, стр. 997.

[6] Там же, стр. 998. Речь идет об аресте и ссылке Шевченко.

дожнике Г<удов>ском, у которого Шевченко останавливался в Киеве в 1859 году. Шевченко бывал у Н-ва, осенью 1859 г., в квартире на Невском, в доме Кохендорфера. Через год Н-в был в Киеве и встречался там, видимо, со знакомыми Шевченко; во всяком случае он говорил в Киеве со своими знакомыми, которые были хорошо осведомлены о пребывании Шевченко на Украине в 1859 г. Н-в знает детали перевозки праха поэта на Украину.

Также превосходно известны Н-ву и факты биографии Аскоченского во время пребывания того в Киеве, его эротические стихи.

Все это сразу вызывает в памяти имя Лескова.

Лесков приехал в Киев в конце 1840-х гг., когда все киевское общество было возбуждено арестом Шевченко и толковало об этом деле. Лесков сам писал об этом в статье «Официальное буффонство» [7]

Упомянутая статья, излагаемый в ней случай, служат также свидетельством того, как хорошо знал Лесков обстоятельства ареста Шевченко.

А. Н. Лесков рассказывает, что в Киеве его отец познакомился с друзьями Шевченко, с художниками И. В. Гудовским, М. М. Сажиным, что уже в то время он увлекался поэзией Шевченко, мечтал о личной встрече с ним.[8]

Из статьи Лескова «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко» мы узнаем, что эта мечта осуществилась, что в начале 1860 г. Шевченко и Лесков бывали друг у друга, Лесков жил в это время где-то «по дороге из Александро-Невской Лавры на Васильевский остров».[9] После этого Лесков уезжал из Петербурга, был в Киеве, встречался там с знакомыми Шевченко. О них, в частности о художнике Гудовском, он рассказывал больному поэту, вернувшись в Петербург в начале 1861 г. Лесков присутствовал на похоронах Шевченко и был хорошо осведомлен в вопросе о перевозе его тела на Украину.[10]

Так же хорошо Лесков знал и Аскоченского, особенно во времена жизни того в Киеве. Подробное и неприязненное описание этого периода жизни редактора «Домашней беседы» дает Лесков в «Печерских антиках».[11] Мимолетные враждебные упоминания об Аскоченском неоднократно встречаются и в других произведениях Лескова.

Но мог ли Лесков встречаться с Шевченко в Петербурге в конце 1859 г.? Ведь сам он говорит лишь о встречах начала 1860 г., а Н-в упоминает, что Шевченко заходил в ноябре или декабре 1859 г. Из воспоминаний Лескова о П. И. Якушкине видно, что они встретились в Петербурге во времена, когда общественное мнение было возбуждено «Псковской историей».[12] Сообщение о «Псковской истории», об аресте Якушкина псковским полицмейстером, было опубликовано в «Смеси» 5-го № «Русской беседы» за 1859 г. (цензурное разрешение от 26 сентября). В 95 № «Иллюстрации» (19 ноября 1859 г.) говорилось об этой истории и о том, что ею теперь занято общественное мнение Петербурга. Следовательно, Лесков бывал в конце 1859 г. в Петербурге и мог там в это время встречаться с Шевченко.

Характерно, что много лет спустя, в 1882 г., Лесков не мог пропустить без ответа заметку в «Киевской старине», в какой-то степени порочившую память Шевченко, и ответил на нее статьей «Официальное буффонство». Еще более вероятно, что он в 1861 г., находясь под непосредственным впечатле-

---

[7] Н. С. Лесков, Собр. соч., М. 1956—1958, т. 11, стр. 24. В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Лесков.

[8] А. Н. Лесков, Жизнь Николая Лескова, М., 1954, стр. 95.

[9] Лесков, т. 10, стр. 10. Весьма вероятно, что приведенный условно-описательный адрес означает попросту Невский проспект.

[10] См. Лесков, т. 11, статьи «Вечная память на короткий срок», «Забыта ли Тарасова могила?».

[11] Лесков, т. 7.

[12] Лесков, т. 11, стр. 72.

нием встреч с Шевченко, от его смерти, должен был откликнуться на вышедшие здесь же, в Петербурге, клеветнические воспоминания хорошо известного ему Аскоченского.

Лесков хорошо знал издателя «Русского инвалида» Писаревского. Знакомый Лескова, А. И. Нечипоренко, обвинявшийся «в сношениях с Лондонскими пропагандистами», во время дознания показал, что с Писаревским его познакомил Лесков. Артур Бенни, близкий в это время к Лескову, в 1861—1862 гг. сотрудничал в «Русском инвалиде», ведал так каким-то отделом (см. С. А. Рейсер, Артур Бенни, М., 1933, стр. 92). В 15-м № «Русского инвалида» (20 января 1862 г.) напечатана статья, приписываемая Лескову и направленная против Каткова, «Литераторы белой кости.[13] В ней содержатся резкие выпады против Аскоченского. Характерно, что в более поздних воспоминаниях современников Лесков начала 60-х годов воспринимался как сотрудник изданий Писаревского («Русского инвалида» и «Современного слова»), как рьяный противник реакционного лагеря в журналистике.[14] Он в это время близок с Артуром Бенни, человеком довольно радикальных взглядов, встречается с В. А. Слепцовым, В. А. Зайцевым, сотрудничает в демократическом журнале «Век». В пользу авторства Лескова говорит и сравнение у Н-ва манеры письма Аскоченского со стилем «холуйских богомазов», и обращение его к «Путевым запискам» В. П. Безобразова, напечатанных в «Русском вестнике», где говорилось о «холуйской живописи». Лесков был тонким знатоком народной иконописи, неоднократно писал о ней. В то же время он противопоставлял подлинному народному искусству подделку под него, «богомазню», которою занимаются «ребята и девки Суздали и Холуя».[15]

Лескова напоминает и отрицательное отношение, высказанное мимоходом Н-вым, к стилю Н. Г. Чернышевского.[16] Не безынтересно, что Н-в ссылается на киевское издание «Современная медицина», в котором сотрудничал Лесков. В пользу авторства Лескова свидетельствуют и ряд других особенностей статьи «Нечто вроде комментарий...» Уже само заглавие, несколько витиеватое и кудрявое, выдержано в духе названий многих лесковских произведений (напр. «Откуда пошла глаголемая «ерунда», или «хирунда», «Курская трель о Толстом», «Надлежит не осуждать проступков, не зная руководивших им соображений» и т. п.). Характерно для Лескова и употребление эпиграфов, выдержанных часто в ироническом плане (см. эпиграфы к статьям «Красавец-мужчина», «Большие брани», «Геральдический туман» и др.). Ирония, сарказм, столь широко использованные в статье Н-ва, часто встречаются в статьях раннего Лескова («Литературы белой кости», «Русский драматический театр в Петербурге», «Большие брани» и др.). В статье «Литератор-красавец» Лесков, так же, как Н-в, подробно излагает и цитирует разбираемое произведение, попутно иронически комментируя его, в качестве основного приема разоблачения противника. Напоминает Лескова и склонность Н-ва к каламбурам («следил за дверями», «долго он спевался и наконец спелся», «знакомились с его способностями петь разные песни», «художествами, не преподаваемыми в той Академии...» и т. п.), и обращение его к разговорным, нелитературным словам и фразам, как русским, так и украинским («мазнул его такими тенями», «станут мазать», «замахнул и самого себя», «не дошмыги»), и употребление в ироническом плане церковно-славянских оборотов («петербургские стогны присещает свет лица», «умастят мастями благовонными», «вживе стяжает себе»; ср. с оборотами лесковских статей: «превеликие и буйные брани настали», «начни глаголать

---

[13] См. «Изв. отд. рус. яз. и словесности Акад. наук 1925 года», т. 30, Л., 1926, стр. 274.

[14] См. «Вестник Европы», 1871, № 8, стр. 902.

[15] Лесков, т. 11, стр. 181.

[16] Ср. с статьей Лескова «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?», Лесков, т. 10, стр. 14—15.

разными языками», — Лесков, т. 10, стр. 55, 87), и изобретение особых словечек типа «духоярый».

Характерна для Лескова и проявляемая Н-вым осведомленность в деталях личной жизни, частного быта изображаемых персонажей, и прямое авторское вмешательство в излагаемые события, и сообщение различных сведений о себе. Как Лесков, так и Н-в, широко включают в текст прямую речь Шевченко, сохраняют его разговорные обороты, украинские слова. И тот, и другой пишут фамилию Шевченко то в изменяемой, то в неизменяемой форме (ср. со статьей «Последняя встреча и последняя рузлука с Шевченко»). И Н-в, и Лесков используют латинские поговорки, изречения (Лесков, т. 10, стр. 12, 26, 59 и др., Н-в, стр. 000)..

Ни одна из известных статей Лескова не подписана «Н-в», т. е. Н<иколай Леско> в, но подписи такого рода весьма часто встречаются под лесковскими произведениями (Л; Л—в; Л—в, Н.; Л...ов, Н; Л-ов, Н; Н. Л;—ов, Николай и пр.).

Все вышесказанное делает весьма вероятным предположение о том, что автором статьи «Русского инвалида» был Н. С. Лесков. Если же принять это предположение, то статья должна занять достойное место в публицистическом наследии Лескова (она, пожалуй, является одной из значительнейших статей, созданных Лесковым); статья дополняет и уточняет наши представления об облике этого талантливого русского писателя в начале 1860-х годов, об его взаимоотношениях с великим украинским поэтом.

«НЕЧТО ВРОДЕ КОММЕНТАРИЙ К СКАЗАНИЯМ г. АСКОЧЕНСКОГО о Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ»

Матушка моя, дай ей бог царство небесное, говорила: «эй, не лги, сынок!»

В. Аскоченский

(Чтение для православного, русского народа, составл. В. Аскоченским)

Относиться серьезно к В. И. Аскоченскому или к произведениям его пера не принято в русской литературе. Серьезное слово о нем скажет разве только будущий историк современной русской литературы, и слово то, вероятно, будет короткое, ясное, определенное;; такое слово, какого вполне заслуживает редактор Домашней Беседы, и которое давно следовало бы ему сказать для того, чтобы никогда уже не возвращаться к его популярному имени. Мы должны были употребить эту оговорку, чтобы снять с себя упрек, который могли нам сделать при виде статьи, в заголовке которой стоит имя г. Аскоченского. Мы чужды всякого желания полемизировать с г. Аскоченским, ибо вполне понимаем всю бесполезность такого труда; но мы считаем себя обязанными высказать кое-что по поводу воспоминаний г. Аскоченского о недавно умершем малороссийском поэте, Тарасе Григорьевиче Шевченко, которого г. Аскоченский, в 33-м выпуске Беседы, удостоил своих воспоминаний. В воспоминаниях этих почтенный писатель, со свойственной ему одному сообразительностью, хваля покойника, мазнул его такими тенями, которые, по нашему мнению, не идут для светлого облика «любого[1] кобзаря Украины». Но прежде, чем коснемся художественнго абриса, мы позволяем себе просить наших читателей обращать внимание на то, как г. Аскоченский оттушевывает некоторые стороны в Шевченке. В принятом г. Аскоченским способе расписывания заметно сильное преобладание холуйского[2] разгула кисти. Г. Аскоченский, точно как богомаз[3] холуйского уезда, станет мазать известною краскою одну фигуру, прихватит ею один бок и другой, и именно тот самый бок, которым соседняя фигура повернута к раскрашиваемому лицу. Он не избежал этого и в своих воспоминаниях о Шевченке. Растушевывая покойного поэта, он захватил своей щетинной кистью и Чужбинского, и других лиц, вспоминаемых при сей верной оказии, а, что всего интереснее, замахнул и самого себя. Таковы следствия холуйского способа отделки личности.

---

[1] Любимого (укр.) — П. Р. Все примечания, специально не оговоренные, принадлежат «Н-ву».

[2] Холуйский уезд, известный особого рода иконописью.

[3] Местное название. См. «Русский вестник», Август м., 1861 г. Путевые записки В. Безобразова.

Воспоминания свои г. Аскоченский начинает таким приступом «Эх, Тарасе, Тарасе! За що мене охаяли люд (орфография «Д. Б.»). За що прогомонили, що я *тебе, орла мого сизаго*, оскорбив, облаяв?... Боже ж мій милостивый! Коли ще вони не знали де ты и як ты, и що таке, а я вже знав тебе, моего голуба, слухав твоего «Ивана Гуса», слухав други твои думы, которых не бросав ты, як бисер перед (нехай выбачают) свинями...» Заявив с первых строк фамильярность с Шевченко в таких выражениях, которые заимствованы самым известнейшим нашим писателем Чернышевским у известного полицмейстера, г. Аскоченский очень вяло *сочиняет* акт своего первого знакомства с Шевченком. Встреча эта произошла в 1846 г., в Киеве, на Старом городе, в квартире А-вых. Дело было после чаю, в небольшом садике. «Тарас (г. Аскоченский не изменяет интимной замашке) в нанковом полупальто, застегнутом до горла, уселся на траве, взял гитару и, бренча на ней «не до ладу» запел: «Ой, не шуми, луже». И запел он это, по словам г. Аскоченского, дурно, но однако его музыкальное ухо, редактора *Беседы*, слышало в *пении* «что-то *поющее*, что-то ноющее, что-то задевающее». Г. Аскоченский осведомился о певце и, узнав, что это Шевченко, «вскрикнул и в ту же минуту встал и подошел к любимому поэту *Кобзаря*» (г. Аскоченский иногда выражается, как говорят у малороссиян «не дошмыги») «Опершись о дерево, я стоял и слушал, — говорит он. — *Вероятно, заметив мое внимание, Шевченко вдруг ударил всей пятерней по струнам и запел визгливым голосом «Черный цвет, мрачный цвет»*, пародируя провинциальных певиц. Все захохотали, *но мне стало грустно*, даже досадно, что человек, на которого я смотрел с таким уважением, спустился до роли балаганного комедианта. Тарас положил гитару на траву и, выпив рюмку водки, которую *поднес ему* (тогда гимназист) П. А-ч., стал закусывать колбасою, безпрестанно похваливая ее» (Заметьте: «*поднес*» рюмку водки. Г. Аскоченскому он бы, разумеется, ее «*подал*») Г. Аскоченского окружили дамы и просили «спеть что-нибудь». Он сел к фортепияно и запел: «погляди, родимая» Шевченко стоял перед ним и *пристально смотрел ему в глаза*. Песня понравилась поэту; он узнал, что она сочинена г. Аскоченским и поблагодарил его. Через несколько дней г. Аскоченский «забрел как-то на *взгорье* Михайловской *горы*» и над крутым обрывом увидел Шевченку, который «сидел на земле, подпершись обеими руками и глядел, как немцы говорят, dahin». Нынешний редактор «Домашней Беседы» подошел к поэту; но тот его заметил только тогда, когда он «остановился сбоку». (Что за способность так незаметно подходить к человеку! Это напоминает брата редактора, доктора А. Аскоченского, который, возражая «*Современной Медицине*» (см. № 18, 1861 г.), что врачи при наборах не берут взяток, сознается, что он «*в течение восьми дней следил за дверями*» одного своего собрата, и тот, надо полагать, этого не заметил. Не на своих местах эти гг. Аскоченские, — таланты их гибнут). Наконец Шевченко увидел г. Аскоченского, и тут между ними произошел следующий разговор:

— «А, бувайте здоровы. Чого вы тут?» — спросил Шевченко.

Но пусть г. Аскоченский сам рассказывает:

— Того ж, чого и вы, отвечал я *с усмешкой*.

— Эге, сказал он, как будто *тоном несогласия* (Он верно вспомнил пословицу, гласящую: «quod licet Jovi, non licet bovi»). Вы з якои стороны?

— Я воронежский.

— Сидайте, *панычу*, сказал он, отодвигаясь и подбирая под себя полы своего пальто.

Я сел.

— То вы, мабуть, козак?

— Був колись, — отвечал я. Предки мои точно были козаками; прапрадедушка, есаул войска донского, звался Кочка-Сохран.

— Якій же гаспид перевернув вас на Аскоченского?

— Того уже не знаю.

(Как жаль, что г. Аскоченский не объясняет; но относился этот его разговор с Шевченко к той поре, когда редактор Беседы, по собственному (печатному) сознанию, *имел слабость лгать*. Теперь поневоле затрудняешься — верить ли тому, что г. Аскоченский был когда-то козаком, происходит от Кочки Сохрана и, бог весть, «з якого гаспида» перевернулся в Аскоченского).

Беседа прервалась. Г. Аскоченский закурил сигару.

— Ой, *панычу*, москаль подійде, буде вам. Г. Аскоченский засмеялся.[4] Они долго сидели молча, наконец «ходим», сказал, поднимаясь, Шевченко.

Собеседники сошли на Крещатик.

— А де вы живете? — спросил Шевченко у г. Аскоченского. — Тот ответил.

— Уа! — сказал Шевченко, когда услыхал от г. Аскоченского, где он живет, — то великий пан. Нам мужикам туда не можно.

— *Но у этого пана, возразил г. Аскоченский, тоже живут мужики и первый из них я.*

— Правда? — спросил Шевченко.

Г. Аскоченский сказал: «Правда» — «То добре», — отвечал Шевченко, и они расстались.

Это происходило весной 1846 года, но числа г. Аскоченский не упоминает, ибо в дневнике его, откуда он заимствует все это, дни и месяцы не обозначены».

Для исторической верности и полноты обстоятельств, долгом считаем прибавить к этому от себя, что в то время, к которому относится настоящий рассказ, г. Аскоченский жил в доме бывшего киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора Дмитрия Гавриловича Бибикова и занимался воспитанием его (уже умершего) племянника г. Сипягина. Возвращаемся к воспоминаниям Аскоченского.

В дневнике его опять значится, что «26 мая (странно откуда в этом дневнике взялось число, когда сам г. Аскоченский говорит, что «дней и месяцев не обозначал»? Неужто правнуком Кочки Сохрана опять овладевают юные привычки?) Тарас Григорьевич был в первый раз у меня», т. е. у г. Аскоченского. Тут же были два офицера, один армейский, а другой жандармский и А. С. Ч. — ий, с четками в руках, серьезный и неразговорчивый. Несмотря на это (т. е. на что?), все были, как говорится, в ударе. Тарас, с которым я *успел уже сблизиться* (это — талант!), читал разные свои стихотворения и, между прочим, отрывок из своей поэмы «*Ивана Гуса*». Г. Аскоченский приводит несколько стихов из этой поэмы, но, приводя их, не объясняет, что эти и некоторые другие места в этой поэме относятся не ко временам Иоанна Гуса, а к недавно прошедшему Италии, которой живо сочувствовал Тарас Григорьевич. Впрочем, читатель сам может в этом убедиться из приведенных г. Аскоченским стихов. Мы много раз слыхали их и от самого автора, и от других, но никогда не могли найти в них ничего, кроме сострадания угнетенным народам Италии. Вот эти стихи:

«Народ сумує там[5] в неволі,
А на апостольскім престолі
Чернець годований сидить:
Людскою кровію шинкуе,
У найми царства віддае —
Великій Боже! Суд Твій всуе
И всуе царствіе Твое».[6]

---

[4] Г. Аскоченский тогда мог смеяться. Москаль, т. е. солдат, будочник, ему, вероятно, не мог сделать замечания за сигару. Немного ниже это станет понятно.

[5] В Италии.

[6] Для совершенно незнакомых с малороссийским языком, постараемся рассказать по русски значение этих слов малоизвестной русским поэмы:

«Не могу, говорит г. Аскоченский, забыть снисходительности поэта к таким убогим стихоплетам, каким был я, грешный, во время оно. (Нынче г. Аскоченский не осознает своего убожества). Шевченко заставил меня читать тогда еще не напечатанные *изделия* и, помню хорошо, некоторыми главами из «дневника», помещенного в собрании моих стихотворений, оставался чрезвычайно довольным. У меня доселе хранится рукопись этого семейного рассказа, на котором *Тарас мазнул* на полях следующих стихов *прескверным своим почерком* «спасыби, панычу».

Здесь г. Аскоченский поместил и эти стихи, которые мы перепечатываем, желая познакомить наших читателей с музою правнука Кочки Сохрана:

«Небесный гость — переселенец
Лежал в объятиях младенец.
Прильнув ко груди молодой
Своей кормилицы родной, —
И мать счастливая, шутя,
Ласкала милое дитя,
И *грустный взор ее* (кому?), прекрасный,
Взор тихий, полный неги страстной
Понятливо наедине (!!)
Тогда покоился на мне...»[7]

Вытянув от Тараса *согласие* на посвящение его имени одного из своих стихотворений, г. Аскоченский просил его написать что-нибудь и себе. Шевченко обещался, но не исполнил своего обещания.

«После чаю «с возлиянием», Тарас стал веселее и, *седши* (орфогр. Д. Б.) к фортепьяну, начал подбирать акомпани*ман*, что однакож ему не удавалось.

— Панычу, — сказал он, наконец, — чи не втнете нам якои-нибудь нашеньской?

Г. Аскоченский спел малороссийскую песню, потом г. А-ч запел «Ты душа-ль моя». Тарас Григорьевич рассердился, сказал певцу: «дурень еси Василь» и вечер чуть не расстроился. Но подали закуску. «Хлыснув дви-три чапорухи. Шевченко повеселел, а дальше и совсем развязался: он стал читать стихотворения, наделавшие потом ему много беды и горя».

Как жаль, что г. Аскоченский не говорит: каким образом читаемые у него Шевченкою стихи «наделали много беды и горя» поэту; а он, судя по тогдашнему его положению, должно быть не лишен об этом некоторых обстоятельных сведений. Возвращаемся к воспоминаниям:

— «Эх, Тарасе, говорил я. Та ну бо, покинь! Ей же Богу не доведут тебя до добра *таки поганы вирши*.

— А що ж мени зроблят?

Народ страдает там в неволе,
А на апостольском престоле
Чернец откормленный сидит:
Людскою кровью он торгует,
В аренды царства раздает. —
Великий Боже! Суд твой всуе
И всуе царствие твое...

[7] Нам случалось слышать много других поэтических произведений г. Аскоченского, написанных такою же рифмованною прозою, образчик которой мы представили читателям. Сколько мы помним, общее внимание всегда останавливалось на эротических его произведениях, которые с жадностью списывались гимназистами. У одного известного нам журналиста мы видели эротические сочинения В. И., собранные систематически, и полагаем, что выдержки из этой скромной коллекции рано или поздно появятся в печати, как материал для определения значения литературной деятельности редактора «Домашней Беседы».

— Москалем тебе зроблят[8]

— Нехай — отвечал он, махнув рукой отчаянно, — слухайте ж ще кращу.[9]

И опять зачитал.

Мне становилось неловко. Я поглядывал на соседние двери, опасаясь, чтобы кто-нибудь не подслушал нашей слишком *интимной* беседы (Странное опасение! Кто ж мог подслушивать в генерал-губернаторском доме?). Вышедши на минуту из кабинета, где все это происходило, я велел моему слуге войти ко мне через несколько времени и доложить, что, мол, зовет меня к себе.... (четыре точки в подлиннике)».

После этого маневра, «гости оставили» г. Аскоченского, — а что он сделал по уходе их им в воспоминаниях не написано.

«В июне (1846 г.), — продолжает г. Аскоченский, — не помню которого числа, зашел я к Шевченку, в его квартиру на Козьем Болоте.[10] Жара была нестерпимая. Тарас лежал на диване, в одной рубашке. Сняв с себя верхнее платье, я *повалился* на кровать. Разговаривать не было никакой возможности: мы просто *разварились*. Отдохнув несколько, я принялся осматривать все окружавшее меня: *бедность* и *неряшество просвечивались во всем*. На большем столе, ничем не покрытом, валялись самые разнородные вещи: книги, бумаги, табак, окурки сигар, пепел табачный; разорванные перчатки, истертый галстук, носовые платки — чего-чего там не было!» Странно, что г. Аскоченский отказал себе на сей раз в удовольствии высчитать «чего-чего там не было». Или уж *претить* стало. «Между этим хламом разбросаны были медные и серебряные деньги и даже, к удивлению моему, один полуимпериал. В эту пору (т. е. во время обзора) подошел к окну слепой загорелый нищий с поводырем. Я встал и взял какую-то медную монету, чтобы подать.

— Стойте, — сказал Тарас, — що де вы ему даете?

— Я сказал — Э-казна що!

И в ту ж минуту, встав с дивана, взял полуимпериал и подал его нищему. Слепец, ощупав монету и спросив о чем-то своего поводыря, протянул руку в окно с полученным полуимпериалом.

— Спасиби вам, пане, але я такой не визьму, нехай ій всячина! У старцив таких грошей не бувае. Визьмить іи соби, а мени дайте шматок хлиба, чи шо.[11]

Тарас дал ему полтиник, нищий, постояв и подумав немного, пошел от окна, бормоча молитвы и разные благожелания».[12]

Этими сценами оканчиваются воспоминания г. Аскоченского о встречах с Шевченко в Киеве, и он переходит прямо к 1856 году. Автор встречается с Шевченко в его квартире, в Академии Художеств, и сообщает ему о плане *Домашней Беседы*. Узнав от меня, что я издаю *Домашнюю беседу*, Тарас сказал: «добре»; но когда я изложил перед ним мои убеждения и цель, к которой я решил идти не спеша, Тарас сделался серьезен, и оттягивая огромные усы, проговорил: «Трудно вам против рожна прати». Холодно и бесчувственно слушал он после этого мои воспоминания и *каждым движе-*

---

[8] Солдатом тебя сделают.

[9] Слушайте ж еще лучшую.

[10] Небольшой переулок в Киеве.

[11] Кусок хлеба, или что-нибудь.

[12] Тарас Григорьевич был необыкновенно щедр к бедным и никогда не находил в себе силы отказать тому, кто его о чем-нибудь просил. Г. Чужбинский в своих воспоминаниях приводит несколько фактов, доказывающих, что щедрость к бедным была сильна в Шевченке до того, что он не хотел видеть обманов. — «Я и сам знаю, — отвечал он, — та нехай лучше тричі меня одурят, а все-таки у четверте подам тому, хто справди не бачив шматка хлиба». Участие к страданию других приводило его нередко к самым наивным сценам.

нием показывал, что я как-будто ему в тягость. На прощание, я просил его бывать у меня, но Тарас Григорьевич отвечал мне отрывисто: «Я не выхожу никуда; прощайте».

В последний раз я встретился с ним летом прошлого года, на Загородном проспекте, но... лучше б мне не встречаться».

За сим следует оценка характера Шевченки, жалоба на «прогрессистов и цивилизаторов», которые сбили его с *панталыку*, да на обстоятельства неблагоприятные, которые ожесточили его впечатлительную душу, несколько слов о том, зачем перевезли его тело, и затем *благожелания* всего доброго Шевченке на том свете.

Вот почти все, что г. Аскоченский старался сказать о своем знакомстве с Шевченко. Что он хотел сказать своими воспоминаниями — весьма понятно, весьма понятно и то, что говорит в них г. Аскоченский нехотя. Или г. Аскоченский уже очень неловок, или же он хотел вспомнить покойного Шевченко, так как он способен вспоминать людей, «сбитых с панталыку современным прогрессом»?

Мы не хотели допускать первого, мы верили, что в г. Аскоченском очень много сообразительности; но мы должны в этом усомниться. Г. Аскоченский в своих воспоминаниях поставил себя в таком свете, в каком стоят в наше время лица, не пользующиеся ни тенью уважения и симпатии. Личность Шевченки от его воспоминаний ни мало не проиграла. В нем всякий, мало мальски разумный, человек и теперь не перестает видеть поэта, человека, преданного своей идее и готового открыть свои объятия всякому, кто казался ему способным сочувствовать этой идее. Ошибки Шевченко в этом роде были не редки, и большинство их принадлежит именно к той эпохе, когда он читал г. Аскоченскому в той же самой киевской квартире, где г. Аскоченский принимал его, свои «поганые вирши». Он действительно увлекался до смешного и верил, что

Кому щасте, так уж щасте,
А слезы, так слезы.

Он не был хитер. Даже в последнее время, когда он пережил обстоятельства, описанные им в дневнике (см. *Основа*), он не сделался особенно проницательным; он стал только несколько осмотрительнее. Г. Чужбинский рассказывает о своей встрече с ним после возвращения поэта в Петербург. Шевченко встретил его холодно и вел разговор на *вы*, а известно, он ничего не имел против Чужбинского. Многими замечено, что Шевченко принадлежал к числу тех странных людей, которые сближаются и, в известной степени, доверяются человеку прежде, чем успеют хорошенько узнать его характер и крепость его убеждений. Знакомств, составленных таким образом, у Тараса Григорьевича было бесчисленное множество, и некоторые из них завязаны даже после возвращения его в Петербург, т. е. в ту пору, когда он называл себя в шутку «многоопытным». Расскажу один такой случай, который относится к последней побывке его на Украине. Это было очень недавно, менее двух лет. Тарас Григорьевич, возвратив себе звание академика, исходатайствовал и позволение повидаться с своими родственниками, бывшими тогда в крепостном состоянии. В Киеве он остановился у художника Г-ского и у него познакомился между прочими лицами с г. N, человеком очень радушным, хлебосольным, но совершенно необразованным и чуждым всяких убеждений. Т. Г. после 2—3 свиданий нашел, что в этом человеке «и в его жинке» бьются очень теплые сердца и что они люди без онеров. Он стал посещать их. В одно из таких посещений, если не ошибаюсь вскоре после того, как он не совсем обыкновенным образом возвратился в Киев из Каневского уезда, у г. N собралось несколько приятелей. Засиделись до поздней ночи. Часу в 3 Тарас Григорьевич вдруг собрался домой, — его уговаривали посидеть еще. Он едва согласился, но, подождав несколько минут, снова встал и решительно начал прощаться. Показалось ли ему что-нибудь не по обычаю, или просто он не хотел сидеть, — бог его знает, но только простился и пошел

к воротам. Ворота были заперты и хозяин, в порыве своего странного хлебосольства, не велел отпирать их Шевченке, уговаривая христом-богом возвратиться в комнату. Но это было уже невозможно. Услыхав приказание не выпускать со двора, Тарас Григорьевич пришел в такое неописанное состояние, что хозяин, несмотря на всю свою недальновидность, должен был поспешить отменою этого распоряжения. Пока разбудили дворника и отперли ворота, Т. Г. стоял у ворот, ни за что не хотел войдти в комнату, не хотел слышать о том, что ему запрягут лошадь, и без калош пошел по грязи домой, по узенькому немощенному переулочку, который окружает софийскую ограду. Все думали, что это каприз, не имеющий никакого основания, но не тут-то было.

В ноябре или декабре того же года, возвратясь один раз в свою квартиру, в доме Кохендорфера, на Невском проспекте, я застал у себя г. N, который после нескольких слов сообщил мне о причине своего приезда из Киева и рассказал, что он успел уже побывать у Шевченки, но не застал его дома и оставил свою карточку. N был первый раз в Петербурге и, кроме меня и Шевченки, у него не было в столице ни одного знакомого человека; а потому, пообедав вместе, мы отправились к Тарасу Григорьевичу. Дверь его опять была заперта. Я возвратился домой и сел за работу. Часов в 11 звонок. Отворяю дверь. Тарас Григорьевич и сердитый. Первый его вопрос был: «N приехал?»

— Да, приехал — отвечаю я.

— А вы откуда знаете?

Я рассказал.

— То это *вы* с ним у меня были? — Шевченко сделал усиленное ударение на слове *вы*.

— Ну, да, я.

Тарас Григорьевич плюнул, снял шапку и, не скидывая калош и шинели, сел на диван.

— Скажите ж мне, пожалуйста — спросил он: добре вы знаете N? Я отвечал, что я его давно знаю.

И як слид знаете?

Мне стало странно. Я действительно давно знал N, но знал его, как субъекта совершенно неинтересного и никогда не задавал себе о нем никакого вопроса. Однако я рассказал, что я о нем думаю.

— А больше ничего? — допытывался Шевченко.

— Ничего. А вы больше разве знаете?

— А то-то и бо! — и Шевченко рассказал мне только что описанный хлебосольный прием. Тут только разъяснилась мне причина его ночного бегства, о котором мне, не задолго перед тем, рассказывал один приезжавший из Киева знакомый. Дело в том, что, в числе собеседников, был один господин, с которым Тараса Григорьевича познакомили как со старым приятелем, не сказав, «что *оно* такое и чем *оно* смотрит». Господин, о котором говорил Шевченко, был именно «*оно*». Его, кажется, никто не считал вовсе за человека, но его принимали во многих домах известного круга; и он везде пил и, где было чем, везде напивался. Тарас Григорьевич не раз его видел; но в нем никогда ничего не видал; а тут вдруг, в 3 часу ночи, явилось убеждение, что с этим господином приятельская беседа невозможна, что он его непременно скомпрометирует и даже «на то пришел, а хозяина в помощники взял!»

Я был вполне убежден, что это опасение не имело никакого основания, но к крайнему удивлению несколько ошибся. Будучи через год в Киеве, я узнал, что на счет хозяина Тарас Григорьевич положительно погрешил, но в госте *частию* не ошибся.

Я привел этот случай с намерением показать, что заискать у Тараса Григорьевича доверия в такой мере, в какой успел снискать его во время оно г. Аскоченский, не было особенно трудно. Шевченко был человек сердечный и художник. Этого, полагаем, довольно, чтобы сказать, что он мог оши-

баться легче, чем многие люди, занимающиеся иными художествами, не преподаваемыми в той Академии, из которой вышли Шевченко и Иванов.

Вникая глубже в самую суть воспоминаний г. Аскоченского о Шевченке и стараясь читать их по строкам и между строк, становишься в тупик: действительно ли Тарас Григорьевич когда-нибудь симпатизировал г. Аскоченскому, или он только всматривался «що воно таке?» и всмотрелся уже тогда, когда правнук Кочки Сохрана рассказал ему план своего литературного предприятия. Судя по тону, которым написаны воспоминания г. Аскоченского, можно полагать, что покойный Шевченко никогда не считал г. Аскоченского *своим человеком*, но только сомневался в нем. За это предположение говорит то, что Шевченко величал г. Аскоченского в разговоре *панычем*, смеялся над тем, что он знает, *что* нужно подать бедному и *что* оставить себе, и читал ему свои «*поганые вирши*» только потому, что не подозревал в г. Аскоченском прорицателя, когда тот предсказывал ему, чем он может сделаться. Трудно верить, чтобы Шевченко не выразумел г. Аскоченского после вечера в доме великого пана, откуда редактор *Домашней Беседы* выпроводил своих гостей, приказав человеку «*доложить* себе, что, мол, зовет к себе...» (точки подлинника).

Но этому предположению противоречит нижеследующее место из воспоминаний о Шевченке г. Чужбинского: «к этой же эпохе, (говорит г. Чужбинский, описывая киевскую жизнь Шевченки), относится наше знакомство с. г. Аскоченским, ныне редактором *слишком известной* «*Домашней Беседы*», а тогда экс-профессором духовной академии и воспитателем генерал-губернаторского племянника[13] и поэтом: так по крайней мере некоторые звали его в Киеве. Редактор «Домашней Беседы» не обнаруживал тогда *духовной нетерпимости и не предавал еще* анафеме всего светского и современного, как делает это в настоящее время, но, настроив свою лиру на элегический тон, бряцал на ней весьма чувствительные песни. Сей муж, карающий сурово все живое и мыслящее, смотрящий на произведения искусства сквозь мутные очки средневекового аскетизма, горячо вступающийся за юродивого Ивана Яковлевича, читал нам свои стихотворения, выражавшие земные страсти, и, надо отдать ему справедливость, не обнаруживал стремления, которое могло бы обличить в нем будущего редактора издания, не имеющего никакого литературного достоинства. Я упомянул об этом потому, что свидевшись после долгой разлуки, Т. Г. с удивлением сказал мне:

— А знаешь ты, що *Домашнюю Беседу* выдае той самой Аскоченский, которого мы знали у Киеве! *Чи можно було надіятись*?»

Этот вопрос показывает, что Шевченко долго после своего выезда из Киева оставался в убеждении, что г. Аскоченский не может сделаться тем, чем его угораздило сделаться. Впрочем, это становится понятно, когда припомнишь, что киевское знакомство Шевченки с г. Аскоченским относилось к той эпохе, когда сей последний, в качестве воспитателя генерал-губернаторского племянника являлся в низшие сферы только в минуты поэтического вдохновения, пел, читал, слушал, что пели и читали другие, и удалялся с запасом всего услышанного. В это время г. Аскоченского действительно многие считали отъявленным либералом и не умели заметить в нем «духовных» наклонностей. Г. Аскоченский сделался менее загадочным уже тогда, когда над Шевченком сбылись его пророческие предсказания, когда судьба кинула его в те суровые края, где писаны, помещенные в «*Основе*», листы его дневника. В эти дни осуществления пророчеств г. Аскоченского резко изменилась его собственная судьба. Сначала он перестал воспитывать генерал-губернаторского племянника, потом удалился из Киева в другой губернский город киевского генерал-губернаторства и занял там видное служебное место; потом вскоре потерял это место, взяв другое, которое тоже должен был оставить и, возвра-

---

[13] Г. Аскоченский, как уже сказано выше, воспитывал племянника Дмитрия Гавриловича Бибикова, г. Сипягина, и жил с своим воспитанником в генерал-губернаторском доме.

тясь в Киев, поселился у священника Г. Ж-ва. Тут г. Аскоченский стал известен в академическом церковном хоре. Долго он спевался и наконец спелся.

Написав *историю Академии* и книгу *о Якове Космиче Амфитеатрове* он *нашел лиц*, содействовавших сбыту этих интересных сочинений. По мере того, как он спевался, люди все ближе знакомились с его способностями петь разные песни и наконец оценили его по достоинству. По мере того как г. Аскоченский становился чужд старым знакомым, у него скреплялись новые связи, и узел этот затягивался им в Киеве до тех пор, пока в один прекрасный день он «увидел слезы добрых сограждан (т. е. новых), сам заплакал и удалился из Рима». Конечно, он удалился «напутствуемый такими благожеланиями», которые дали ему возможность завести свой «духоярый» журналец. Шевченко не видал этой метаморфозы. В то время, когда Шевченко был учителем рисования в Киевском университете, г. Аскоченский еще не был открытым ренегатом. Но я пишу не воспоминания о г. Аскоченском. Для этого труда еще не настало время; он совершится во время благопотребно. Я только хотел сказать тем, кто не знал покойного Шевченко, что знакомство его с г. Аскоченским завязалось в те времена, когда правнук Сохрана казался для всех своих знакомых вовсе не тем, чем он кажется теперь, чем, может быть, он и был тогда, но чего нельзя было в нем провидеть, потому что он, воспитывая генерал-губернаторского племянника, не печатал своих воззрений, а только записывал их в дневник. Шевченке до самой смерти его оставалось очень многое непонятным из того, что способствовало исполнению над ним известного пророчества г. Аскоченского, и в этом смысле дневник редактора «Домашней Беседы» должен быть очень интересен для истории Шевченки и других замечательных личностей, воспоминание о которых связано с именем Шевченки. Это убеждение многих украинцев, рассматривающих судьбу покойного поэта в связи с киевским положением г. Аскоченского и с направлением, которое обнаружилось в этом русском писателе во время жизни его в Житомире и в Каменец-Подольске. Не могу рассказать всего того, что приходит в голову при этих воспоминаниях, но смею уверить редактора *Домашней Беседы*, что покойный поэт очень хорошо понимал его и уклонялся от встреч с ним вовсе не потому, что «его сбило с панталыку столкновение с современными прогрессистами и цивилизаторами», и даже не потому, что «обстоятельства неблагоприятные ожесточили его впечатлительную душу», а потому, что Шевченко никогда не симпатизировал людям того закала, к которому принадлежит г. Аскоченский. Шевченко не был человеком, «ожесточенным» обстоятельствами. Он умел прощать многое. Его гуманная натура, как заметил г. Чужбинский, старалась извинить в людях все, что только как-нибудь можно было объяснить не совсем в дурную сторону. Но он не мог выносить сношения с людьми, которые сделались ему не по душе. Он бежал от них по тому же самому чувству, по которому бежал из дома уездного аристократа, побившего при нем своего крепостного мальчика. Шевченко был человек чувства. Увлечения Шевченко понятны точно так же, как понятны неразборчивость или разборчивость г. Аскоченского в выборе места для интимных бесед. Тем, кто знает г. Аскоченского и Шевченко, — понятно многое... Не понятно только: с какою целью сообразительный редактор *Домашней Беседы* придал такой тон своим воспоминаниям о покойнике. К чему он употребил слово «Шевченке *поднес* водки»? К чему эти недомолвки: «В последний раз я встретился с ним летом, прошлого года, на Загородном проспекте, но ... лучше бы мне не встречаться с ним»? Что хотел сказать этим г. Аскоченский? Надо было уж договорить! Ведь он не договорил этого, верно, не по чувству деликатности и «благожелания» покойнику. Допустить такого предположения невозможно, потому что «сообразительный» редактор не спроста напечатал, что он видел Шевченка так, что «лучше бы не встречаться с ним». Напрасно не досказал, что заставило его пожалеть о встрече с Шевченко. Речи ли повел покойник вольные, или отвернулся от *паныча*, или правнуку Кочки Сохрана просто не

понравилось зачем его «голуб» шел по Загородному проспекту, а не по Цепному мосту. «Бог его зна церковный». Но ведь нельзя же было ходить Шевченке только там, где петербургские стогны присещает свет лица г. Аскоченского. А других художеств, за которые «лучше бы не встречаться» с Шевченко, никто за ним не знает и никто из всех, знавших и любивших его до последней его минуты, не решится указать в нем такого пятна. Никто из хороших людей никогда не избегал с ним встречи: его любили за его талант, за его теплую, честную, беспридельно добрую натуру; его уважали за его непреклонно твердые убеждения, скорбели о нем, но ... никогда никто не говорил, да и не позволит себе сказать: «лучше бы мне не встречать его». Г. Аскоченский один может претендовать на получение привеллегии за свою циническую выходку. И за что г. Аскоченский силился приложить свои руки к бедному «Кобзарю»? Что сделали ему те, которые заботились отвезти тело певца Украины на его родину?

Ведь никто не отнимает права у «духоярого» редактора надеяться, что его собственное тело удостоится после смерти сугубого почета от признающих его «учителем народа».[14] Что тело это умастят мастями благовонными и отвезут в Воронеж.[15] Все это может быть, и даже в порядке вещей. Положим, что почитатели Шевченки, ненавистные г. Аскоченскому прогрессисты — люди суетные и мелкие, это они «Дивят свой только муравейник», тогда как г. Аскоченский гнушается земной славы, ищет горняго града; но чего же кипятиться-то?

Мы однако увлеклись тем неприятным чувством, которым переполнили нашу душу воспоминания г. Аскоченского о том, как Шевченке *подносили* водки, как он пил «чапорухи» и читал «свои поганые вирши» и, наконец, как его встретил правнук Кочки Сохрана на Загородном проспекте. Довольно о нем. По тщательном соображении его воспоминаний о Шевченке с известными обстоятельствами, выходит только, что г. Аскоченский еще недостаточно сообразителен; он наговорил в них (между строк) таких вещей, которых ему, наверно, не хотелось бы сказать, и оказал будущему биографу Шевченки замечательную услугу. Он, собственным признанием (которое, по закону, лучше свидетельства всего света), доказал, как терпим и мягок был гуманный Шевченко даже с лицами, в искренность которых он нимало не верил и в неисправимости которых не сомневался. Г. Аскоченский указал доверчивость и младенческую чистоту души воспоминаемого им поэта. Он указал благородную слабость Шевченки сближаться с человеком, по малейшему отклику на его симпатию, без строгого анализа искренности этих симпатий и чистоты вызвавших их побуждений. Он указал на горячее стремление поэта служить своей идее, не обращая внимание на то, какие это будет иметь для него последствия, и, наконец, поведал миру о своей способности доводить человека до совершенного к себе доверия, не исключающего возможности читать перед ним «поганые вирши» там, где их читать не полагается.

Окончим нашу статью, — для читателей, — напоминанием, что г-н Аскоченский, по собственному его признанию, в молодости был склонен ко лжи и что ложь принадлежит к числу пороков, от которых отвыкать необыкновенно трудно. А для г. Аскоченского прибавим, что на свете живут еще люди, которые могут написать свои достоверные воспоминания и о самом г. Аскоченском, и что тогда он вживе стяжает себе сугубое значение. А эти воспоминания прочтутся всеми с таким же любопытством, с каким прочтется обнародывание верного средства к истреблению клопов, мокриц и саранчи. Мы уверены, что кто-нибудь не откажет г. Аскоченскому в этой услуге. Пусть Виктор Ипатьевич тверже помнит слова своей покойной родительницы, говорившей ему: *«ей, не лги, сынок»*.

Н—в.

---

[14] См. Дом. Бес. 1861 г., вып. 31.
[15] Месторождение г. Аскоченского.

ПРИМЕЧАНИЯ.

стр. 356. *Чтение для православного* ... вышло в СПб; 1861. Цитата из статьи «Ложь ходит на длинных ногах» (стр. 138).

Захватил своей щетинной кистью и Чужбинского — имеется в виду знакомый Шевченко, писатель и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский (1817—1875).

стр. 357. *Предки мои* <...> *Кочка-Сохран* — казачье происхождение — предмет гордости А. О нем он подробно говорит в «Дневнике». Кочка Сохран — один из псевдонимов А.

стр. 358. *А. С. Ч-й* — т. е. Афанасьев-Чужбинский.

«*Иван Гус*» — имеется в виду поэма Шевченко «Еретик». Истолкование ее Н-вым отнюдь не соответствовало действительности, но имело целью предохранить имя Шевченко от политических обвинений.

стр. 359. «*Дневника*», *помещенного* ... имеется в виду стихотворение А. «Дневник». Приведенную ниже цитату см. Стихотворения В. Аскоченского, Киев, 1846, стр. 121.

не лишен <...> *сведений*-намек на то, что А. мог донести на Ш. Подобные намеки и в дальнейшем неоднократно встречаются в тексте статьи.

стр. 361. *обстоятельства, описанные им в дневнике* — намек на ссылку Ш. «Дневник» Ш. публиковался в журнале «Основа», 1861, кн. 5—12, 1862, кн. 1—8, в нем были записи периода ссылки (1857—1858 гг.).

Шевченко встретил его холодно — холодный прием, видимо, определялся весьма трезвым и ироническим отношением Ш. к Чужбинскому. См. Т. Г. Шевченко, Собр. соч., М., 1956, т. 5, стр. 47—49.

стр. 363. *за юродивого Ивана Яковлевича* — хвалебные отзывы об юродивом И. Я. Корейше см., напр., «Домаш. бесед.», 1861, вып. 15, стр. 328—330, вып. 30, стр. 602, вып. 46, стр. 886—895.

другой губернский город <...> *оставить* — с 1846 г. А. служил советником губернского правления в Житомире, с 1849 г. исполнял обязанности председателя гражданской палаты в Каменец-Подольске. Вызвал всеобщую ненависть к себе доносами, кляузами и в 1851 году был вынужден выйти в отставку.

стр. 364. *историю Академии* <...> *Амфитеатрове* — см. А., Киев с древнейшим его училищем Академиею, Киев, 1856; Воспоминания о Я. К. Амфитеатрове, Киев, 1854; Яков Косьмич Амфитеатров, Киев, 1857. Амфитеатров — профессор Киевской духовной академии.

дневник <...> *очень интересен* — Лесков интересовался «Дневником» А., прочел его позднее весь в подлиннике, принимая участие в редакционной работе «Историч. вестн.», где в 1882 г. (№№ 1—9) был опубликован с сокращениями «Дневник». См. Н. С. Лесков, Собр. соч., М., 1958, т. 7, стр. 178.

стр. 365. *а нг по Цепному мосту* — на Фонтанке, у Цепного моста помещалось III-е отделение. Намек на то, что А. — доносчик, часто заглядывающий в III-е отделение.

могут написать свои достоверные воспоминания — о желательности опубликовать воспоминания об Аскоченском Лесков писал в «Печерских антиках», выражая сожаление, что «никто из знавших Аскоченского киевлян не напишет хорошей беспристрастной записки о треволнениях жизни и трудах этого человека» (Н. С. Лесков, Собр. соч., М., 1958, т. 7, стр. 178).